

Уильям редко оспаривал указания Янины, но на этот раз тон был таким, что спорить казалось бесполезным.

«По городу ходит новый штамм гриппа. Быстрый. Проверься. Сегодня же».

И вот он здесь, в медицинском районе Синдзюку. Стекланные высотные клиники, втиснутые между кафе, аптеками и бесконечным свечением светодиодных вывесок. Та, куда он направлялся, стояла на тихом углу: минималистичное здание из белых алюминиевых панелей и тонированных окон, всего три этажа. На вывеске значилось:

АУРЕЛИЯ МЕДИКАЛ — ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНА, МИРОВЫЕ СТАНДАРТЫ (ОСН. 2075)

Совсем новое. Когда автоматические двери с шипением разъехались, внутри всё ещё пахло свежей краской.

В холле было солнечно и светло, просторно, бледные деревянные полы и жужжащий очиститель воздуха создавали ощущение стерильной чистоты. За стойкой сидел пожилой японец в очках с серебряной оправой. Он поднял взгляд от планшета.

— Запись? — мягко спросил администратор.

— Уильям, — назвал он и фамилию. — Записан на...

— Да, нас предупредили. — мужчина кивнул и коснулся экрана. — Да-да. Вы пришли рано. Хорошо. Присядьте, пожалуйста. Доктор скоро вас вызовет.

Уильям сел у окна, наблюдая за людьми на улице. Парочки, служащие, дрон-доставщик, лавирующий между прохожими. Он расслабил глаза, плечи впервые за весь день опустились.

Раздался мягкий звонок. Дверь скользнула в сторону.

— Уильям? — раздался женский голос. Мелодичный, тёплый, с лёгким акцентом, который он не мог сразу определить. Европейский, возможно, швейцарский или немецкий.

Он встал, обернулся...

— и на долю секунды замер.

Женщина, ожидавшая его, была ослепительна.

Высокая, стройная, с уверенной осанкой. Волосы золотистые, убраны в ту самую фирменную

полу-гульку, которую он видел в журналах и новостных лентах. Белый халат сидел безупречно, надет поверх бледно-голубой блузки, аккуратно заправленной в отутюженные белые брюки. Всё в ней было безукоризненно.

Её глаза — яркие, умные, мягкие — излучали мгновенное ощущение уюта.

— Здравствуйте, — сказала она с тёплой улыбкой, которая, казалось, успокаивала всю комнату.
— Я доктор Циглер. Ангела. Вы, должно быть, Уильям.

Так вот почему его начальница отправила его именно сюда. Дружеский жест от одной легенды Overwatch к другой. Она была именно такой, как он и представлял: идеальный врач, тёплая и доступная.

«И горячая».

— Что ж, — выдавил Уильям, кивая. — Не ожидал встретить такую, как вы.

Её улыбка стала шире, в ней промелькнуло веселье. — Такую, как я?

— Знаменитую.

Она тихо рассмеялась. — О, я здесь не знаменита. Не для тех, кто имеет значение. Сегодня я просто ваш лечащий врач. — она указала на коридор. — Прошу сюда.

«...и добрая. Сердце странно забилося», — подумал Уильям. Будто с Мерси в роли врача он уже знал, что всё будет хорошо.

Он последовал за ней в смотровой кабинет. Внутри всё было безупречно: стены нежно-голубого цвета, кресло-кушетка, голографические экраны, медицинские лотки, разложенные с почти маниакальной точностью.

— Садитесь, пожалуйста. — она коснулась настенного дисплея. — Сначала я проведу базовый осмотр.

Уильям сел. Ангела приблизилась, с комфортной близостью, поправляя сканер у его виска. От неё пахло цитрусом и чем-то цветочным, чистым и успокаивающим.

— Вы выглядите здоровым, — сказала она, пока на экране появлялись цифры. — Но Янина сказала, что на этой неделе вы могли контактировать с больными?

— Работа сводит меня со многими людьми, — признался он. — Особенно с приезжими.

— Понимаю. — она задумчиво кивнула. — Тогда давайте убедимся, что внутри всё соответствует тому, что я вижу снаружи.

Она двигалась с отработанной грацией, прикладывая стетоскоп к его груди. Наклонилась. Прикосновение было мягким, почти невесомым, край её халата едва заметно коснулся его руки, даря тепло.

— Глубокий вдох, — прошептала она.

Он вдохнул.

Она чуть улыбнулась показаниям. — Хорошо. Ещё раз.

Когда она отстранилась, то что-то пометила на голографической карте, тихо напевая.

— Следующее — анализ крови. Результаты обработаются мгновенно. Технология — чудесная вещь, правда? — подмигнула она.

Она наложила ему на руку манжету с лёгким давлением, пальцы у неё были прохладными и ловкими. — Сожмите кулак, пожалуйста.

Он сжал. Она взяла кровь одним плавным движением, почти незаметно.

— Вы на удивление спокойны для того, кого укололи, — заметила она с улыбкой.

— Бывало и хуже.

— О, я уверена, — сказала она тоном, который намекал, что она знает: он не обычный гражданин.

Раздался мягкий сигнал. Она взглянула на экран.

— Ваши иммунные показатели слегка повышены. Не опасно, пока нет, но это указывает на контакт со штаммом, который распространяется в Токио.

Он кивнул. — Что теперь?

— Завтра утром вам нужно сделать прививку. Но... — она подняла палец. — Придёте натошак. Восемь часов. Без завтрака.

Он выдохнул через нос. — Понял.

Она снова приблизилась, словно искренне заботясь о его здоровье, а не просто выполняя обязанности.

— Уильям, — мягко сказала она, — вы в отличной форме. Это просто предосторожность. Но я ценю, что вы пришли рано, а не стали ждать. Многие мужчины вашего возраста не слушают ни начальников, ни врачей.

Он редко улыбался, но сейчас улыбнулся. — Я, наверное, эффективен.

— И вежливый, — добавила она. — Хорошее сочетание.

Он встал. Она тоже.

— Спасибо, доктор.

Её глаза снова потеплели. — Увидимся завтра. Отдохните сегодня. Пейте больше воды. И... — она легко коснулась его плеча, невинный жест, почти интимный. — Постарайтесь не волноваться.

Он усмехнулся. — Я никогда и не волнуюсь.

Он вышел из смотровой. Ангела стояла в коридоре, дружески махнув ему рукой.

Он с удивлением помахал ей в ответ — искренне, даже слегка улыбнувшись.

На улице вечер опустился на Синдзюку. Неоновые отражения мерцали на мокром асфальте, пока он шёл домой, лавируя в толпе, на эскалаторах и пешеходных мостах, пока не добрался до своего здания.

Дверь пентхауса открылась с мягким щелчком.

Она распахнулась прежде, чем он успел коснуться ручки.

Появилась Хана — в огромном худи и с самым подозрительным выражением лица, которое только можно вообразить. Она бросилась к нему, обхватив его за талию.

— Уильям! — захныкала она, обнимая его, как вернувшегося солдата. — Где ты был?

— На работе, — коротко ответил он.

Она принялась.

Замерла.

Резко подняла на него глаза.

— ...Почему от тебя пахнет женщиной?

Уильям закрыл глаза.

И вздохнул.

...

...

...

— Кончааю! Я кончааю! ЭТОТ БОЛЬШОЙ ЧЛЕН ЗАСТАВЛЯЕТ МЕНЯ КОНЧАТЬ~!!

Каркас кровати издавал жестокий, ритмичный стук-стук-стук о стену, служа ударным контрапунктом мокрому, хлюпающим шлепкам кожи о кожу. Высокие, отчаянные стоны Ханы заглушала чёрная медицинская маска, но микрофон на её столе улавливал каждый хриплый вдох, каждый сдавленный крик.

— Бляядь, Уильям! О боже, прямо там! Прямо там, блядь! — закричала она в матрас, голос сорвался. — ЗАСТАВЬ МЕНЯ КОНЧИТЬ~!!!

Руки Уильяма сжимали её бёдра, как тиски, пальцы впивались в мягкую плоть, когда он снова и снова вгонял свой огромный член в неё — каждый толчок был намеренным, наказывающим актом обладания. Вид для её миллионов зрителей был непристойно идеальным: маленькое, подтянутое тело Ханы, согнутое над кроватью, её фирменная футболка с кроликом задрана до плеч, её идеальная круглая попка подпрыгивала при каждом мощном толчке Уильяма. И он — мощный силуэт позади неё, его массивная длина поршнем входила и выходила из её влажной, сочащейся киски со звуком чистого, нефильтрованного хлюпанья и чавканья.

Всего было три камеры. Одна для бокового обзора, чтобы зрители видели, как его член входит в неё, а яйца шлёпаются о её задницу. Другая камера на подушке, чтобы показывать её глаза и чёрную маску. И третья камера на воротнике Уильяма — его вид от первого лица. Чтобы

показать, как он трахает Хану Сон.

— Видите это, чат? — тяжело дыша, проговорила Хана, повернув голову к Уильяму, её глаза затуманились. — Видите, как он меня уничтожает? Как его грёбанный член-монстр просто... ух... перестраивает мои внутренности?

Чат на краю экрана взорвался водопадом эмодзи и комментариев.

< BUNNYBOPPER87: ОХРЕНЕТЬ, ЭТОТ ЗВУК!!!!

< TokyoDriftKing: БРО — ГРЁБАНЫЙ ЗВЕРЬ

< MekaFan4Life: !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

< DvaPlsNoticeMe: как она такое выдерживает?????

< GG_EZ: НОВАЯ ЦЕЛЬ ДОНАТОВ, ЛМАОООО

Притворяться стримершей под именем Ханы Сон — это заставляло его чувствовать себя богом. Потому что они не знали, что это настоящая Хана. Они думали, что это просто косплей, ролевая игра. Но это было не так.

Уильям наклонился над ней, его грудь прижалась к её спине, голос — низкий, собственнический рык у самого её уха, который улавливал только микрофон. — Тебе нравится, да? Нравится показывать всей своей фан-базе, какая ты хорошая маленькая игрушка для меня. Скажи им, Хана. Скажи им, что чувствуешь, когда этот огромный член внутри тебя.

— Он... он такой большой, — всхлипнула она, её тело дрожало. — Он растягивает меня так широко, что я, боже, чувствую его в матке! Хнгггхх...! — она сжалась. Кончила. Её соки разбрызгались по матрасу. — Ч-чёрт! ЧЁРТ! Каждый раз, когда тыходишь до конца, я вижу звёзды! Не останавливайся, не смей останавливаться!

Он перенёс вес, приподнял её бёдра повыше, меняя угол. Головка его члена начала тереться о глубокую точку внутри неё, от чего зрение на краях побелело. Её стоны превратились в безмолвные, первобытные крики, заглушённые маской.

— Мммф! Хнг! Я ВИЖУ ЗВЁЗДЫ! ЗВЁЗДЫ~!!

Но вдруг он замедлился. Толчки стали лёгкими, всего на четыре дюйма за раз.

— Ммф... — Хана ахнула и слегка успокоилась, сверкнув на него взглядом. Этого она НЕ

хотела.

Этого хотел он. Это был его способ наказать её. «Твоя ревность мила, Хана. Но иногда она заходит слишком далеко».

Он шлёпнул её по упругой попке, усмехаясь. — Собираешься устроить шоу для своих фанатов? Хочешь кончить на этот член, пока они смотрят?

Затем он с силой вогнал член до самого основания. Глаза Ханы расширились, взгляд оборвался, и она резко уткнулась лицом в подушку.

— Да! Да! — закричала она, пальцы вцепились в простыни. — Я КОНЧУ! Я, БЛЯДЬ, КОНЧУ НА ТВОЙ ОГРОМНЫЙ ЧЛЕН! ЗАСТАВЬ МЕНЯ КОНЧАТЬ! ПОЖАЛУЙСТА!

Это было всё, что ему нужно. Он крепко держал её за бёдра и трахал короткими, жестокими, глубокими толчками, каждый из которых был направлен прямо в её точку G. Влажные, грязные звуки их соития наполнили комнату и вырвались наружу, к миллионам зрителей.

— Я КОНЧАЮЮЮЮ!!! — Тело Ханы напряглось. Её оргазм разорвал её. Спина выгнулась, глаза, видневшиеся над маской, закатились под веки. Её внутренние мышцы сжались вокруг него в серии судорожных, доильных пульсаций, вырвав у Уильяма стон и дрожь.

— Чёрт возьми, Хана, — прорычал он, его собственный контроль лопнул. — Прими это. Прими мою грёбаную сперму. Прими каждую...

Брызг, брызг!

— ...последнюю...

Брызг, брызг! Брызг, брызг!

— ...каплю!

Три последних, глубоких, вкручивающихся толчка сопровождалась божественными выстрелами спермы. Горячая, густая сперма хлупала и заполняла её матку. Последующее семя было таким интенсивным, таким ошеломляющим, что вызвало второй, меньший оргазм. Её тело содрогнулось вокруг него в последний раз, прежде чем она полностью обмякла, с губ сорвался тихий, блаженный вздох, и сознание покинуло её.

Хана Сон была без сознания.

Уильям оставался внутри неё долгое мгновение, переводя дыхание, глядя на её мирное, бессознательное тело. Он медленно вытащил, его полувозбуждённый, блестящий член издал финальный влажный чмок, покидая её. Её хорошо использованная киска слегка приоткрылась, река его белой спермы уже начинала вытекать на простыни.

Он нажал кнопку на камере, закреплённой на воротнике. Все три камеры среагировали синхронно. Трансляция закончилась. Экран погас, оборвав всё ещё спящий чат.

Из дверного проёма донёсся тихий смешок.

Уильям обернулся. Мэй стояла, прислонившись к косяку, её пухлые щёки порозовели над шарфом, очки слегка сбились. Она держала две кружки с парящим чаем.

— Ты и правда... э-э... устроил им шоу, да? — заметила Мэй.

Уильям усмехнулся, слез с кровати и направился к ней. Его великолепный, капающий спермой член подпрыгивал на ходу. Он поднял руку.

Мэй снова хихикнула и хлопнула по ней ладонью в лёгком «дай пять». Шлепок.

— Она сама напросилась, — сказал Уильям, его голос вернулся к обычному спокойному тону, будто он только что не трахал суперзвезду до потери сознания в прямом эфире. — Я приготавливаю нам ужин. Ты голодна?

Взгляд Мэй на долю секунды скользнул по его телу вниз, прежде чем встретиться с его взглядом, её улыбка была тёплой и понимающей.

Дверь за Уильямом щёлкнула. Шлёп, шлёп, шлёп — они направились на кухню. Там было тепло и пахло уютом. Больше, чем обычно. Уильям быстро принялся за дело, разогревая и кипятя бульон и свежие овощи. Он собирался приготовить тайваньское блюдо, что, конечно, означало много овощей.

— Что ты готовишь? — спросила Мэй, наклонив голову. — Ой, это Лу Жоу Фань?

— Угадала. — он подошёл к плите, его полувозбуждённый член уверенно покачивался, пока он помешивал в кастрюле.

Мэй задержалась у кухонного островка, её пальцы скользили по прохладному граниту. Она была одета в мягкий облегающий свитер и удобные брюки. Очки всё ещё сидели на носу, и она смотрела на него с тёплой, восхищённой улыбкой.

— Ну, — начала Мэй с любопытством. — Куда ты ходил? Не похоже, что ты был на работе.

— Нет, не сегодня. Я был у врача, по настоянию начальницы.

— О-о. Это была женщина-врач?

— М-м.

Мэй хихикнула. — неудивительно, что Хана разозлилась. У неё на это глаз, знаешь?

— Ты имеешь в виду нюх.

Хихиканье Мэй переросло в смех.

Уильям усмехнулся, не отрываясь от кастрюли. — Ну, это были указания Янины. Что-то насчёт нового штамма гриппа в Токио. Ерунда.

— Ну... для Ханы это пахло не ерундой, — поддразнила Мэй, приближаясь. Она протянула руку через него, чтобы попробовать бульон с деревянной ложки, её мягкие «дыньки» на мгновение коснулись его руки. — Ммм, вкусно.

Он повернул голову, встретив её взгляд. В её глазах читалась игривость, искорка озорства, скрывающаяся за милой внешностью. — Ты опасна, Мэй-Лин.

— Хе-хе. Я, э-э, просто ценю тщательное обследование. — она пыталась флиртовать и проявлять инициативу, и от этого краснела до корней волос. Но она хотела попробовать. Её и без того мягкий голос понизился до заговорщического шёпота, и она оперлась бедром о стойку, повернувшись к нему полностью. — Расскажи мне о ней. О враче.

Он наконец повернулся, вытирая руки о полотенце. Он посмотрел на неё сверху вниз, выражение его лица было нечитаемым мгновение, прежде чем на его лице расплылась медленная, хищная улыбка. — А что, ревнуешь?

— Может быть, чуть-чуть, — призналась Мэй, и её щёки залились более тёмным, восхитительным оттенком розового. — Она была красивой?

— Очень. — он сделал шаг вперёд, уничтожив расстояние между ними. Его большая рука поднялась, большой палец нежно коснулся её щеки, как раз под оправой очков. — Блондинка. Безупречная осанка. Пахла чистотой.

У Мэй перехватило дыхание. — Ммм...

— М-м. — его другая рука легла на её талию, притягивая её вплотную к себе. Его

полувозбуждённый член теперь ощущался твёрдым, настойчивым давлением на её живот. — Но она не пахла, как ты.

— А чем пахну я, Уильям? — спросила Мэй, её глаза широко раскрылись за линзами.

— Теплом, — прошептал Уильям. — Как... дом. И прямо сейчас — как если бы ты ужасно намочла, только думая обо мне и о той врачихе.

Из её губ вырвался тихий, непроизвольный всхлип. Он наклонил голову, его рот завис над её.

— Это правда, Мэй? Ты намочла для меня?

— Да, — выдохнула Мэй, едва слышно.

Это было всё разрешение, которое ему нужно. Он сократил последнее расстояние, захватывая её рот в поцелуй, который не имел ничего общего с обычным. Это был глубокий, властный, страстный поцелуй, полный напряжения от его странно заряженного дня. Её губы были невероятно мягкими, мгновенно раскрывшись для него. Его язык скользнул в её рот, пробуя зелёный чай, который она пила, и что-то уникальное, присущее только Мэй.

Мэй застонала в поцелуй, её руки взметнулись к его широким плечам, пальцы впились в твёрдые мышцы. Поцелуй углубился, стал более голодным, более отчаянным. Раздался тихий стук — её очки слегка сбились от силы поцелуя.

Он прервал поцелуй, оба тяжело дышали. На линзах её очков образовался лёгкий налёт.

— Чёрт, Мэй. — Уильям поднял руку и аккуратно снял с неё очки, положив их на стойку. — Мне нужно быть внутри тебя. Прямо сейчас.

— Да, пожалуйста, — взмолилась она, её зрение без очков слегка расплылось, отчего она выглядела ещё более уязвимой и жаждущей.

Одним плавным, сильным движением он поднял её за бедра и усадил на край кухонного островка. Посуда и приборы протестующе звякнули. Он одним рывком стянул с её толстых, кремовых бёдер брюки и трусики, бросив их на пол. Он встал между её ног, его огромный член вновь обрёл идеальную твёрдость и блеск.

— Посмотри на себя. — его руки сжали её великолепную, колышущуюся задницу, сдавливая мягкую, обильную плоть. — Эта идеальная, огромная задница. Вся моя, чтобы трахать.

Он пристроился, широкая, сочащаяся головка его члена прижалась к её влажному входу. Он посмотрел в её глаза, её лицо было красиво без очков, волосы уже начинали выбиваться из

аккуратной причёски.

— Ты готова для меня, милая? — хрипло спросил он.

— Всегда, Уильям! Я-я всегда готова для тебя! — вскрикнула она, обвивая его ногами за талию, притягивая ближе.

На том и порешили, и он погрузился в неё до самого основания. Голова Мэй откинулась назад, из горла вырвался громкий, содрогающийся крик. — ГОСПОДИ! ДА!

Он не дал ей ни мгновения на адаптацию. Он задал безжалостный, глубокий ритм, входя в неё поршневыми, мерными толчками. Кухню наполнила непристойная, влажная симфония их союза — шлёп-шлёп-шлёп его бёдер о её ягодицы, хлюпанье его толстого члена, входящего в её влажную киску.

Что за киска. Отличная от Ханы, не такая узкая, но более влажная.

— О! О, Уильям! Прямо там! Твой грёбанный огромный член чувствуется так хорошо! — лепетала Мэй, слова прерывались его толчками. — Я люблю это! Я люблю тебя! Я люблю тебя и твой члеен~!!

Он держал её ягодицы врозь, наблюдая, как он снова и снова исчезает в ней. — Ты так хорошо принимаешь меня, Мэй. Твоя узкая, горячая маленькая киска высасывает мой член просто идеально.

— Всё для тебя! Нгх! Всё для тебя! — стонала Мэй, её тело тряслось. — П-п-поговори со мной. Расскажи, как прошёл твой день. Расскажи о красивой врачихе, пока трахаешь меня!

Он рассмеялся, продолжая вбиваться в неё. — Она была... у-ух... профессионал. Тщательная. Проверила пульс. Толчок. Послушала сердце. Шлёп. Взяла кровь. Хлюп.

— А она... ах!... она касалась тебя так? — спросила Мэй, её руки блуждали по его груди, ногти слегка царапали пресс.

— Нет, — хрипло выдохнул он, наклоняясь и прикусывая её сосок через свитер, слегка сжимая зубы. Она взвизгнула от удовольствия. — Никто не прикасается ко мне так, как ты. Никто не трахает меня так, как ты.

Темп усилился, его яйца взлетали, чтобы с мокрым чмоком ударяться о её задницу при каждом погружении. Сила толчков подталкивала её дальше по стойке, и ему приходилось сжимать её задницу крепче, чтобы удержать на месте.

— Я кончу! Уильям, я кончу! — вскрикнула Мэй, зажмурившись, голова металась из стороны в сторону. — Уильям~!!

— Смотри на меня, — приказал он. — Смотри на меня, когда кончаешь.

Глаза Мэй распахнулись, затуманенные удовольствием. Он увидел тот самый момент, когда оргазм накрыл её. Её рот сложился в идеальное «О», и из горла вырвались отрывистые, высокие ммф! ммф! её внутренние стенки содрогались вокруг его ствола ритмичными, трепещущими пульсациями.

— Вот так, — подбадривал он, входя в неё насквозь во время её оргазма, растягивая его. — Кончай на мой член, Мэй. Так хорошо.

На мгновение её тело обмякло, на лице застыла блаженная улыбка. Но он не закончил. Он сохранял темп, трахая её сквозь обострившиеся после оргазма ощущения, подводя к новому пику.

— Ты... ты всё ещё такой твёрдый, — выдохнула Мэй, поражённая. — Ты наполнишь меня, да?

— Да, — выдохнул он, его собственное освобождение сжималось в тугий узел в его тяжёлой мошонке. — Накачаю твою красивую киску своей спермой. Помечу тебя изнутри, Мэй. Пусть все знают, что ты моя.

Грубые, собственнические слова пронзили её новой дрожью удовольствия. — Сделай это! Пожалуйста! Я хочу! Я хочу чувствовать, как ты заливаешь меня!

Он вонзился в неё в последний раз, входя до основания. Его тело содрогнулось, когда оргазм разорвал его. Струя за струей толстой спермы окрашивали её внутренние стенки в белый цвет. Она чувствовала, как его невероятное семя растекается по её центру, вызывая второй, головокружительный оргазм, от которого она увидела звёзды.

Он остался внутри неё, оба тяжело дышали, потные и обессиленные. Единственным звуком было тихое кипение супа на плите и их прерывистое дыхание. Медленно, осторожно, он вышел. Толстая струя его спермы немедленно начала вытекать из её хорошо использованной киски, капая на прохладный гранит островка с мягким кап... кап... кап...

Он взглянул на кастрюлю, затем на неё. Медленная усмешка расплылась по его лицу.

— О. Ужин готов.

Мэй хихикнула — запыхавшимся, счастливым смехом. Она была в полном беспорядке: каштановые волосы растрёпаны, лицо покраснелось, а его сперма стекала по её бедру. Выглядела она совершенно, безраздельно удовлетворённой.

Он без труда подхватил её на руки, его член, уже смягчаясь, подпрыгивал на ноге. Он отнёс её к маленькому кухонному столу и бережно усадил на стул. Мэй снова хихикнула, сидя обнажённая и божественно распутная.

— Спасибо~!

— Не за что, принцесса, — сказал он, поворачиваясь обратно к плите.

Мгновение спустя он вернулся с двумя мисками Лу Жоу Фань, или тайваньского риса со свининой, и поставил одну перед ней, а другую — перед собой напротив. Они начали есть, тепло еды приятно контрастировало с остывающим потом на коже.

— Итак, — сказала Мэй, дуя на ложку и откусывая. В её глазах читалось искреннее любопытство. — Эту врачиху... как её звали?

— Ты согласишься, если я скажу, что её зовут Ангела Циглер?

Мэй сделала двойной взгляд. — М-Мерси!? Мерси здесь!? В Японии!? Она...

— Умеет говорить на этом языке? — пошутил Уильям. — Похоже, что так. Она женщина многих талантов.

— Это не то... м-м-м... — Мэй закусила губу. — Она очень милая женщина, но...

— Но?

— Разве здесь уже не становится тесновато?

Уильям моргнул и расхохотался. Мэй уже подумывала о пополнении гарема.

Автоматические двери «Аурелии Медикал» с шипением разъехались, и запах свежей краски и антисептика окутал Уильяма. Холл был таким же, как он запомнил: солнечно-светлый, просторный и оглушительно тихий. Тот же пожилой администратор в очках с серебряной оправой поднял взгляд от планшета и кивнул, узнав его.

— Ах, мистер Уильям. Как раз вовремя для повторного приёма. Присядьте, пожалуйста. Доктор скоро вас примет.

Он сел на то же место у окна, наблюдая за утренним потоком пешеходов. Желудок издал низкое, пустое урчание. Он выполнил указания: без завтрака, только чёрный кофе и вода. Он

чувствовал себя поджарым, опустошённым, готовым к любой инъекции или сканированию, которое она должна была провести.

Раздался мягкий звонок. Дверь скользнула в сторону.

— Уильям?

Доктор Ангела Циглер стояла там, её улыбка была такой же тёплой и уютной, как и вчера. Золотистые волосы были идеально убраны, белый халат безупречно сидел. Она жестом пригласила его следовать за ней. — Доброе утро. Готовы заняться этим?

— Насколько это вообще возможно, — сказал он, шагая рядом с ней.

Смотровой кабинет был таким же безупречным, нежно-голубым. Она указала ему на край кушетки.

— Итак, инъекция противовирусной сыворотки — это простая процедура, — начала она, постукивая по планшету. — Но наши первичные анализы показали некоторые... интересные маркеры. Ничего страшного, — поспешно добавила она, заметив его лёгкий нахмуренный взгляд. — Просто аномалии, которые я хотела бы изучить, пока вы здесь. Янина упоминала, что мы можем провести полный метаболический профиль и МРТ, верно?

Уильям покачал головой. — Нет. Она не говорила.

Брови Ангелы нахмурились в идеальной профессиональной растерянности. — О? Как странно. Однако заказы здесь. Это просто стандартная процедура для уровня допуска, который требуется вам и вашим... коллегам. Это не проблема. У нас есть аппарат на месте.

Она издала пренебрежительный, мелодичный смех. — Так даже лучше. Избавит вас от ещё одной поездки.

Она посмотрела на него, её яркие глаза ожидали ответа. Он просто пожал плечами. Это имело определённый смысл. Янина была дотошна до мелочей.

— Хорошо. Сначала самое главное, — сказала Ангела, её тон снова стал чисто медицинским и эффективным. — Для полного сканирования мне нужно, чтобы вы сняли одежду. Ткань может мешать считыванию. Всё, пожалуйста. В шкафчике позади вас есть халат, если хотите.

Уильям встал, его движения были ленивыми и безразличными. Он повернулся, открыл шкафчик и достал тонкий белый медицинский халат. Он подержал его мгновение, затем бросил, всё ещё сложенный, на стул в углу.

Взгляд Ангелы проследил за движением, её профессиональная улыбка на долю секунды дрогнула.

Он не смотрел на неё, начиная раздеваться. Сначала чёрные ботинки, аккуратно поставленные рядом. Затем простая серая футболка, снятая через голову, обнажая мощную, рельефную мускулатуру груди и пресса. Он расстегнул ремень, кожа с тихим шипением скользнула сквозь петли, за которым последовал более тихий шорох молнии.

Он одним движением спустил брюки и трусы с мощных бёдер, шагнул из них и легонько пнул их к остальной куче.

И затем он стоял там. Обнажённый.

Стерильный, кондиционированный воздух комнаты коснулся его кожи. И Ангела Циглер впервые с момента их знакомства была совершенно, абсолютно неподвижна.

Её взгляд, ранее такой сдержанный и клинический, опустился. Это не был похотливый взгляд. Это была гиперсосредоточенная оценка врача мирового класса, которому представили беспрецедентный экземпляр. Это было сканирование само по себе, фиксирующее каждую деталь за долю секунды.

И главной деталью был его член.

Даже в совершенно, абсолютно невозбуждённом состоянии это было захватывающее зрелище. Тяжёлый, толстый ствол цвета алебастра, свисающий из копны тёмных лобковых волос. В мягком состоянии он должен был достигать почти десяти дюймов — чудовищный, полупухлый вес плоти. А под ним, в туго натянутом, мясистом мешочке, покоились его яички. Они были размером с большие кокосы, тяжёлые и полные, поистине внушительное зрелище мужской силы.

Тихий, почти незаметный вздох сорвался с губ Ангелы.

Она моргнула, и момент чистого, ошеломлённого созерцания исчез, сменившись энергичной эффективностью. — Так. Давайте сначала снимем базовые показатели. Встаньте на весы, пожалуйста.

На полу зажглась цифровая платформа. Он ступил на неё, его обнажённая фигура отразилась в тёмном экране монитора. Мелькнули цифры.

— Сто восемьдесят семь фунтов, — продиктовала она, её голос был ровным, но на полтона выше прежнего. — Превосходное соотношение мышц и жира. Теперь ростомер.

Он подошёл к настенному прибору, выпрямившись, пока лазер измерял его рост.

— Шесть футов два с четвертью дюйма, — сказала она, вводя цифры в планшет. Её взгляд снова скользнул по нему, и она, казалось, собралась с духом для следующей части. Она открыла ящик и достала простую гибкую измерительную ленту.

— Мне нужно занести все анатомические данные для калибровки сканера, — объяснила она, её голос был образцом клинической отстранённости. Она подошла к нему, а затем опустилась в изящный присед прямо перед ним.

Запах цитруса и цветов наполнил его пространство. Он видел идеальные пряди золотистых волос, выбившихся из пучка, сосредоточенную линию её бровей. Она была так близко. Её рука, прохладная и уверенная, потянулась. Двумя пальцами она осторожно приподняла его огромный, вялый член, располагая его перпендикулярно телу. Измерительная лента последовала за этим, и он почувствовал прохладное, мягкое прикосновение ленты, когда она обернула её вокруг самой толстой части ствола.

Она задержала её на три счёта, её глаза были прикованы к цифрам. Её дыхание сбилось, едва заметно.

— Окружность в спокойном состоянии... шесть и три четверти дюйма.

Она отпустила его, и тяжёлый вес с мягким шлепком вернулся на его бедро. Затем она аккуратно измерила длину от основания до головки.

— Длина в спокойном состоянии... десять и одна седьмая дюйма.

Она быстро встала, повернувшись обратно к планшету, её движения слегка участились. Кончики её ушей порозовели. Она вводила цифры резкими, точными касаниями.

Уильям наконец заговорил, низким рокотом: — Ну, и как оно?

Она не подняла глаз от экрана. — Статистически... аномально. Вы, по всем признакам, являетесь значительным выбросом за пределы нормы. В процентном соотношении вы далеко за пределами девятого девятого процента. — она наконец взглянула на него, на её губах мелькнула лёгкая, смущённая улыбка. — Единственное личное сравнение, которое я могу провести, — это Райнхардт, но он... ну, он — Райнхардт.

Уильям приподнял бровь. — Крестоносец? Но разве это не всё броня?

Она действительно рассмеялась — искренним, мелодичным смехом, который, казалось, разрядил остатки напряжения. — О, боже, нет! Вильгельм — это гора ростом семь футов четыре дюйма и без неё. Его размах рук мог бы уместить четверых. Он сутулится и всё равно затмевает всех в комнате.

— ...генная инженерия? — предположил Уильям в шутку.

Улыбка Ангелы стала игривой, понимающей усмешкой. Она коснулась пальцем носа и подмигнула. — Секретно.

Уильям рассмеялся — настоящим, заливистым смехом.

Она указала на дверь, её самообладание полностью восстановилось, хотя на щеках всё ещё держался румянец. — Так. МРТ — прямо по коридору. Прошу за мной.

Она открыла дверь и пошла вперёд. Уильям последовал за ней в яркий, белый коридор, его босые ноги мягко ступали по прохладному полу.

Шлёп! Шлёп! Шлёп!

Звук его огромного, тяжёлого члена и полных яиц, раскачивающихся и хлопающих по бёдрам с каждым шагом, эхом разносился громко. Чёрт возьми. Только конский член мог издавать такой звук. Мерси не подала видимой реакции. Дверь в кабинет МРТ с шипением открылась.

Кабинет МРТ был гробницей прохладного, гудящего безмолвия. Белые алюминиевые стены переходили в низкий потолок, и всё было сосредоточено на массивной машине в форме бублика в центре. Холодный металл. Ангела указала на открытый тоннель сканера.

— Процедура проста, — сказала Мерси, её голос слабо отражался в стерильном пространстве. — Просто лежите неподвижно на столе. Машина сделает всё остальное. Немного шумно, но совершенно безопасно.

Он кивнул, забираясь на узкий мягкий стол и ложась. Холод поверхности проник в его кожу. Его член свисал вниз, вниз, вниз по его подтянутому телу. Бицепсы были идеальны. Лицо было красивым. Член был длинным. Он был идеальным мужским образцом. Ангела наклонилась над ним. Её ловкие пальцы закрепили подголовник и вложили ему в руку маленькую кнопку экстренной остановки. Её прикосновение было мимолётным, безличным. Его член абсолютно не дернулся.

— Удобно? — спросила она, её ярко-голубые глаза сканировали его лицо.

— Достаточно удобно.

— Отлично. Я буду в комнате управления за стеклом. Постарайтесь расслабиться. — она улыбнулась ему на прощание и вышла, дверь в пульттовую бесшумно закрылась за ней.

Через мгновение её голос раздался из динамика, спокойный и чёткий. «Итак, Уильям, мы

начинаем. Стол сейчас переместит вас в тоннель».

Стол скользнул вперёд с мягким гидравлическим жужжанием, унося его в узкий, округлый тоннель машины. Для его широких плеч было довольно тесно. Начался громкий, ритмичный стук и грохот магнитов. Хаотичная перкуссия, которая вибрировала через всё его тело. Он закрыл глаза, позволив шуму окутать его.

Он потерял счёт времени внутри глухой камеры. Шумы менялись, пульсировали и, наконец, стихли. Стол выдвинул его обратно в относительную открытость комнаты. Он моргнул, глаза привыкали к свету.

Дверь пультавой открылась, и появилась Ангела с выражением сосредоточенного удовлетворения. — Отлично. Снимки кристально чистые. Можете сесть.

Он приподнялся, свесив ноги с края стола. — Спасибо.

— Не за что. — она говорила как бодрый доктор. Ангела смотрела в свой планшет, пролистывая результаты. Она сделала несколько шагов в его сторону, её брови слегка нахмурились в профессиональном раздумье. Затем её взгляд оторвался от экрана. Он упал на него. И остановился.

Её губы приоткрылись. Планшет в её руке слегка опустился. Она смотрела, совершенно заворожённая, на его член.

Ах. Уильям посмотрел вниз. Он даже не заметил, но...

— Моя вина.

Он уже не был мягким. Длительное лежачее положение, вибрации, странная интимность всей ситуации — всё это привело его к полувозбуждённому состоянию. Толстая, пухлая полнота, которая была ещё более внушительной, чем его спокойная огромность.

— Боже мой, — выдохнула Мерси, слова вырвались потоком воздуха, всякая видимость клинической отстранённости исчезла. Она сделала произвольный шаг ближе, её глаза широко раскрылись от смеси шока и сырого, неподдельного благоговения. — О-ого... это... это...

Казалось, она очнулась, слегка покачав головой, чтобы прояснить мысли. Глубокая, становящаяся всё более яркой краснота разлилась от шеи до щёк. Она издала смущённый смешок. — Я-я извиняюсь. Это было... крайне непрофессионально. Просто ваша... васкуляризация реагирует на смену положения. Совершенно нормально.

Доктор врала. Это было не положение. Это был он. И они оба это знали.

Она закусила губу, её взгляд снова упал на его теперь поднимающуюся длину. Она сделала ещё один шаг. Пространство между ними затрещало от нового, электрического напряжения. Её голос понизился до шёпота, заговорщицкого и интимного. — Показания... указывают на значительное увеличение кровотока. Ради полноты данных... я должна... зарегистрировать полностью эрегированные показатели.

Уильям ничего не сказал, просто смотрел на неё с тихой интенсивностью во взгляде.

Этого было достаточно, чтобы она получила разрешение. Её профессиональная маска растаяла, уступив место головокружительной смеси любопытства и желания. — Можно? — прошептала она, её голос дрожал от знакомого ему голода.

— Прошу, доктор Циглер.

Движениями, которые были одновременно нерешительными и нетерпеливыми, она сунула руку в карман халата и достала одну свежую латексную перчатку. Она встретила с ним взглядом, поднося её ко рту, захватывая кончик зубами и натягивая на правую руку с мягким, резким щелчком. Левая рука осталась голой.

Это было самое эротично-клиническое зрелище, которое он когда-либо видел.

Её рука в перчатке, прохладная и гладкая, потянулась и мягко обхватила основание его ствола, удерживая его неподвижно. Её голая левая рука, тёплая и мягкая, легла на его тяжёлую мошонку, ощупывая огромные яйца внутри. Из её груди вырвался содрогающийся вздох.

«Mein Gott», — прошептала она. Немецкий проскальзывал вместе с возбуждением. — Он... он всё ещё растёт. Длина... плотность. — её большой палец поглаживал невероятно нежную кожу его яичек, и он дёрнулся в её зажатой руке, начиная набухать по-настоящему.

Она смотрела, заворожённая, как его член утолщается, удлиняется, поднимается, как памятник, под её прикосновением. Вены становились ярко выраженными, толстыми синими шнурами под бледной кожей. Она измеряла его взглядом, её дыхание стало частым и рваным.

— Тринадцать дюймов, — выдохнула она, в голосе звучало благоговение и неверие. — По крайней мере. А окружность... должно быть, больше десяти. Это... это превосходит любые медицинские учебники. Превосходит любой... личный... опыт. — её голая рука продолжала мягко разминать его яички. — Семенные пузырьки должны быть... огромны. Объём, который вы способны производить...

Её рука в перчатке начала двигаться, медленно, пробно сжимая. Латекс был гладким, почти невесомым, ощущение совершенно иное, чем тёплая хватка Ханы или Мэй. Это было невероятно возбуждающе. Единственным звуком в комнате, кроме их дыхания, было чмокание перчатки о его смачивающуюся кожу.

— Это ощущается... адекватно? — промурлыкала она, не сводя глаз с того места, где её рука работала над его стволом.

Он хмыкнул. Чёрт, её рука в перчатке, работающая над его стволом, пока её голая рука ласкает его яйца? Ну серьёзно, это заставляло его хотеть пустить предэякулят. Из вежливости он заставил себя не капать.

К сожалению, у него не получилось.

Она улыбнулась — искренней, яркой улыбкой. Предэякулят выступил. Её большой палец в перчатке провёл по широкой, сочащейся головке его члена, размазывая смазку. — головка такая выраженная. Выглядит такой чувствительной. — её голая рука нежно сжала его яйца. — А эти... такие полные. Такое ощущение, что они готовы лопнуть.

Её движения участились, чмок-чмок-чмок перчатки становилось быстрее, настойчивее. Её клинические вопросы продолжались между всхлипами. — Ритм? Давление достаточно для полного... опустошения?

— Сильнее, — хрипло выдохнул он, его собственный контроль начинал сдавать под её двойной атакой: прохладной, гладкой перчаткой и тёплой, мнущей голой рукой.

Это был врач. Это была Мерси из Overwatch, и всё же она немедленно подчинилась, усиливая хватку. Её голая рука массировала его яйца круговыми движениями, в то время как её кулак в перчатке поршнем двигался вверх и вниз по его огромной длине. Она уже явно тяжело дышала, на лбу выступила лёгкая испарина. — Вы собираетесь... эякулировать? Мне нужно наблюдать за... силой. Траекторией. Для моих заметок.

Он чувствовал, как оргазм нарастает, приливная волна давления в его центре, вызванная её медицинским, маниакальным очарованием. — Блядь, да... м-м-м!

— Вы собираетесь...?

Он кивнул, он задохнулся, и он кончил. Как всегда, это был не нежный выброс. Первая густая, жемчужная струя брызнула с такой силой, что пролетела через всю комнату, шлёпнувшись о безупречную белую стену напротив с мокрым плевком. Ангела ахнула, её глаза расширились от шока и восторга.

— О-о боже мой!

Более десяти струй спермы последовали за ней, разбрызгиваясь по полу, шлёпаясь о стену. Это были чертовски внушительные струи! Струя за горячей, густой струей пульсировала из него, его член бешено пульсировал в её руке в перчатке. Она не останавливалась, выжимая его до конца, её голая рука нежно сжимала мошонку, пока последняя, слабая капля спермы не

вытекла на её пальцы.

— М-м-м... — он выпрямился, тяжело дыша, и взглянул на неё. Блондинка медленно отпустила его, её грудь вздымалась. Она смотрела на результаты своего «осмотра»: потоки его спермы, украшающие её стерильную комнату.

Она стояла на слегка подкашивающихся ногах, её румянец стал глубже, чем когда-либо. — Что ж, — сказала она. — Это было... аномально.

Всё ещё использует мудрёные слова. Ха. Она с резким щелчком сняла испачканную перчатку и бросила её в контейнер для биологических отходов. — Вы, э-э... можете вернуться в смотровую, чтобы переодеться.

Она повернулась и быстро пошла к раковине в углу, повернувшись к нему спиной, и начала мыть голую руку, ту, что держала его яйца.

Уильям соскользнул со стола. Его член, теперь совершенно мягкий и удовлетворённый, тяжело свисал между ног.

Шлёп!

Он сделал шаг к двери.

Шлёп!

Он мог бы пересечь комнату в три шага, схватить её за талию, перегнуть через пульт управления и трахнуть до потери сознания. Он рассматривал эту возможность. Он знал, что мог бы найти в ней внутреннюю «целительную шлюху».

Но он этого не сделал.

Он прислушался. Он вышел из комнаты МРТ, дверь с шипением закрылась за ним, оставив краснеющего доктора наедине с её мыслями.

Шлёп, шлёп! Его вялый, опустошённый член ритмично хлопал по бедру с каждым шагом по безмолвному белому коридору. Он открыл дверь и надел одежду. Он пару раз взглянул на дверь, надеясь, что она войдёт, чтобы увидеть его член. Увы...

«Похоже, она профессионал до конца. В конце концов, она Мерси. Чего ещё ожидать».

Когда он уже зашнуровывал ботинки, дверь открылась. Лицо Ангелы, обычно сдержанное и

прямое, теперь было раскрасневшимся и слегка взволнованным.

— Уильям! Хорошо, вы уже... переоделись, — начала она, её слова вылетали в слегка ускоренном темпе. Её взгляд был напряжённым, сосредоточенным на нём. — Я просматривала ваши сегодняшние результаты. Все сканы. Всё.

— И? — спросил он, зашнуровывая последний ботинок и глядя на неё.

— Вы, как я и сказала, аномалия. Ваше физическое состояние... исключительное. Пиковая плотность мышц, поразительная сердечно-сосудистая эффективность и... другие... атрибуты... ну, они, откровенно говоря, беспрецедентны в моей клинической практике.

— Спасибо.

Она вздохнула, собираясь с мыслями. — Однако. Есть одно «но». — она вошла в комнату, планшет был развёрнут к нему и показывал строки данных, которые ничего ему не говорили. — Уровень кортизола повышен. Не опасно, но указывает на состояние постоянного, низкоуровневого стресса. Ваше сердцебиение, даже в покое, немного выше, чем должно быть у человека с вашей физической подготовкой. Вы — человек, который очень крепко зажат, Уильям.

Он промолчал. У её диагноза была очевидная причина. «Наверное, от всего этого секса».

— Я не просто врач тела, но и врач целостного здоровья, — продолжила доктор. — Инструмент хорош настолько, насколько хорошо его обслуживают. А вы, Уильям, нуждаетесь в обслуживании. — она взглянула на свой планшет, затем снова на него, лёгкий, смущённый румянец окрасил её щёки. — Есть одно место. Традиционный онсэн, горячий источник. В холмах к западу от города. Частное, уединённое. Минеральные воды там славятся своими... успокаивающими свойствами. Способностью снимать напряжение.

Его телефон внезапно завибрировал. Она кивнула, и Уильям проверил его. — Цифровой билет...?

— М-м! Я позволила себе забронировать для вас сеанс. На завтрашний вечер. В восемь. — она тараторила, подходя к своему столу, пальцами крутила стилус. — Пар, жара... они творят чудеса с мышцами. С разумом. Я... иногда сама туда езжу. Чтобы расслабиться. После особенно... напряжённых дней. — она посмотрела прямо в его глаза, и в её ярко-голубых глазах читались надежда и нервное предвкушение. — Возможно... мы могли бы... случайно... оказаться там в одно и то же время? Мы могли бы... поговорить. О ваших результатах. В более расслабленной обстановке. И... я довольно искусна в лечебном массаже. Это может быть... полезно.

Медленная, понимающая улыбка расплзлась по лицу Уильяма. Он видел, как тщательно выстроенная профессиональная стена рушится, уступая место женщине, которая робко,

очаровательно, протягивает ему приглашение.

— Массаж, доктор?

Румянец на её щеках углубился до великолепного багрянца. — Сугубо... клинический, разумеется. Чтобы помочь вашему восстановлению.

— Разумеется, — эхом отозвался Уильям. — Завтра в восемь, значит.

Облегчение и восторг, промелькнувшие на её лице, были совершенно пленительными. — Чудесно! Я... я тогда увижу вас.

И на этом приём закончился. Завтра он отправлялся в горячий источник.

Было уже семь. Токио наполовину погрузился во тьму. Поездка до горячего источника требовала автомобиля. Очевидно, с тем богатством, которое накопил Уильям, вождение было простым делом. Он мог взять в аренду любую машину. Не говоря уже о том, что в его гареме был один снайпер, который держал дорогие машины для работы.

— Мммххх! Мнгггххх! О, бляяаядь!!

Поэтому Уильяму самому не нужно было вести. Поэтому мурлыканье двигателя резко контрастировало с безумным тряхом. ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП! Шлёп, шлёп, шлёп! Звук мокрого, страстного тряха заглушал всё.

— Dios mío, да! Трахай меня! ТРАХАЙ меня этим членом-монстром!

Сомбра скакала на нём с бешеной, отчаянной энергией, её стройное латиноамериканское тело мелькало вверх и вниз по его тринадцатидюймовому монстру. Её тугая, круглая попка снова и снова опускалась к нему на колени, каждый удар был идеальным, подпрыгивающим столкновением. Тёмная кожа автомобильного сиденья была скользкой от её пота и соков. Руки Уильяма сжимали её бёдра, пальцы впивались в мягкую плоть, направляя её бешеный темп, заставляя принимать каждый грёбанный дюйм его огромного, толстого члена.

— Чувствуешь это, Сомбра? — хрипел он. — Чувствуешь, как глубоко я внутри твоей идеальной, жадной маленькой киски? Будто тебя создали для этого члена.

— Я была! Ау, Рарі, я была! — вопила Сомбра, запрокинув голову. Её глаза были закатаны так, что виднелись только белки. Струйка слюны соединяла её нижнюю губу с грудью. — Ннггхх! Так глубоко! Тырываешь меня на части!

Он звонко шлёпнул её по коричневой попке, звук эхом разнёсся в машине. ШЛЕПОК! Всё её тело вздрогнуло, сжимаясь вокруг него, как бархатный кулак.

— Блядь! Да! Сильнее! — умоляла Сомбра, её губы изогнулись в усмешке. — СИЛЬНЕЕЕ~!!

ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП!

Роковая вдова с водительского сиденья даже не взглянула в зеркало заднего вида. Её синие руки уверенно лежали на руле, осанка была безупречно прямой. — До места назначения двенадцать минут, — произнесла она, её голос был ровным, бесстрастным монотонном. — Движение на объездной незначительное.

Уильям проигнорировал её, сосредоточившись на извивающейся женщине, сидящей у него на коленях. Он толкнул бёдра вверх, навстречу её ударам вниз, вгоняя себя ещё глубже в её сочащуюся влажную глубину. Звуки были грязными, непристойными — мокрое чмокание его члена, входящего в неё, гортанный уф воздуха, вырываемого из лёгких с каждым толчком, хлюпанье её перевозбуждённой латиноамериканской киски, принимающей его снова и снова.

— Я выдою тебя, — выдохнула Сомбра, слова сливались воедино. — Я буду трахать тебя, пока твои грёбанные яйца не станут пустыми. Я хочу каждую... последнюю... каплю!

— Вот так, — подбодрил он, его собственный контроль начинал сдавать. — Сжимай мой член, грязная хакерша. Выдои его досуха.

— Кончаааю~! — взвизгнула Сомбра, её голос достиг пронзительной, стеклянной октавы. — КОНЧАААЮЮЮ~!!

Её тело напряглось, а затем судорожно содрогнулось вокруг него. Её внутренние стенки сжались и затрепетали вокруг его ствола в быстрых, ритмичных пульсациях, бешеных, трепещущих спазмах, которые идеально выжимали его. Её возбуждение хлынуло на них обоих. — ОООХ, БЛЯДЬ!

Она рухнула ему на грудь, но он не дал ей передышки. Он крепко держал её за бёдра и взял инициативу в свои руки, вбиваясь в неё снизу с грубой, настойчивой силой. Он был близок...!

— Я наполню тебя, Сомбра, — хрипел он, его ритм становился диким, звериным. — Накачаю твою узкую киску моей спермой так, что ты будешь капать днями.

— Дааа... оплодотвори меня... пожалуйста...

Сломленная, обезумевшая и скулящая. Вот до чего он довёл Сомбру. До этого. До обычной латиноамериканской шлюхи.

Финальным, мощным толчком, вонзившимся в неё до основания, он наполнил её ждущую матку. Он чувствовал это: пульсирующее, вулканическое извержение, которое, казалось, длилось вечно. Струя за струей его семени окрашивали её внутренности, каждый брызг и поток сопровождался мощной пульсацией его члена. Сомбра беспомощно мяукала под ним, её разорённая киска пила каждую каплю, её тело дрожало от подавляющего ощущения наполненности.

Вскоре он замер, тяжело дыша. Единственными звуками были их прерывистое дыхание и мокрый, капающий кап... кап... их смешанных жидкостей, вытекающих из её хорошо использованной дырочки.

Он осторожно приподнял её со своего смягчающегося члена, раздался влажный, всасывающий чмок. Её киска была опухшей, красной, прекрасно разорённой, блестящей от соков и его густой белой спермы, которая уже начинала сочиться ровным, кремообразным ручейком по внутренней стороне бёдер. Он уложил её на сиденье рядом с собой. Она не двигалась, глаза закрыты, на лице застыла блаженная, глупая улыбка, тонкая струйка слюны всё ещё стекала из её приоткрытого рта.

Машина плавно остановилась.

— Мы прибыли, — объявила Роковая вдова, её жёлтые глаза наконец скользнули к зеркалу заднего вида, чтобы наблюдать за последствиями с клинической отстранённостью. Она усмехнулась. — Похоже, как раз вовремя.

— Ха... похоже на то. — Уильям быстро вытерся полотенцем с боковой дверцы и натянул штаны. Он наклонился и поцеловал Сомбру в лоб. Она не шевельнулась.

— Отвези её домой, — сказал он, его голос вернулся к обычному ровному тону.

Роковая вдова коротко кивнула. — Oui.

Машина подняла его по узкой, обрамлённой бамбуком дороге в холмы, откуда открывался вид на сверкающую панораму Токио. Городской гул стих, сменившись стрекотом сверчков и шёпотом прохладного горного ветра. Роковая вдова припарковалась на уединённой гравийной площадке. Отсюда ему нужно было пройти по каменной дорожке, освещённой фонарями, которая вела к традиционному зданию, встроенному в склон холма. В воздухе витал лёгкий сернистый запах минеральной воды и успокаивающий аромат кипариса.

— Я бывал во многих горячих источниках. Этот новый. Наверное, для богатых, — пробормотал Уильям.

Вход представлял собой простую массивную деревянную дверь. Он отодвинул её и вошёл в небольшую, безупречную приёмную, залитую тёплым золотистым светом. Администратору он показал свой цифровой билет.

— Отлично, — сказала администраторша. — Чтобы подтвердить, это будет ночёвка?

— Да, — ответил он. — Это был подарок от одного доктора.

— А-а, понимаю. Наши услуги действительно пользуются популярностью у врачей. — администратор улыбнулась. Это была пожилая японка, лет сорока-пятидесяти. — Надеюсь, вам понравится так же, как и им.

Появился молодой молчаливый служитель, поклонился, вручил ему полотенце и юкату, а затем жестом указал на разделённые по полу раздевалки.

Уильям быстро переоделся, простая хлопковая юката приятно холодила кожу. Он отодвинул дверь, ведущую к главному источнику, и мир преобразился.

Это был открытый грот, искусно вырезанный в естественной скале. Центром служил большой, парящий бассейн с мутноватой голубоватой водой, поверхность которого мерцала в свете бумажных фонарей, развешанных сверху. Туман клубился и струился в прохладный ночной воздух, скрывая края пространства, где оно переходило в ухоженный сад. Единственными звуками были мягкое журчание источника и лёгкий вздох ветра в соснах. Это был мир, далёкий от залитых неоном улиц Синдзюку.

Он только что погрузил ногу в благословенно горячую воду, как мягкий хруст гравия на дорожке заставил его обернуться.

Из тумана появилась фигура, закутанная в такую же простую белую юкату. Её золотистые волосы были распущены, мягкими волнами спадали на плечи, мерцая в свете фонарей. Без белого халата и профессиональной брони доктор Ангела Циглер выглядела моложе, уязвимее и бесконечно красивее. Юката мало скрывала изящный изгиб её бёдер и гордую выпуклость груди.

Она остановилась, увидев его, её глаза широко раскрылись в идеальной имитации удивления. Рука взметнулась к груди. — Уильям! Боже мой, какое... какое совпадение.

Он одарил её медленной, лёгкой улыбкой, любуясь восхитительным румянцем, разлившимся по её щекам. — Доктор Циглер. Как неожиданно встретить вас здесь.

Она рассмеялась — лёгким, нервным звуком, который растворился в тумане. — Я думала, вы опоздаете. — она подошла к краю источника. Она развязала пояс юкаты, и на захватывающее мгновение он увидел изящную линию её спины, совершенный изгиб ягодиц и её грудь.

Доктор ни в коем случае не была пышногрудой. У неё не было огромных сисек или огромной задницы. Она была стройной женщиной. Но всё равно они были хороши. Они были упругими. Её ноги были длинными и гладкими. Чёрт, весь её цвет лица был бледным и красивым, как у

европейской принцессы.

Она послала ему улыбку, прежде чем скользнуть в воду с мягким, облегчённым вздохом. Вода доходила ей до груди, мутная поверхность скрывала её грудь от глаз, но её лицо было озарено. Она была довольна.

— О, это чудесно, — прошептала доктор, откинув голову на гладкий камень. — Чувствуешь, как напряжение просто... тает.

Уильям скользнул в воду напротив неё, тепло обожгло кожу, приветствуя его. — Ты права... мм, отлично.

— Рада, что ты пришёл, правда?

— Я был немного подозрителен, да. Это долгая поездка.

— Ха-ха, я швейцарка; для меня это было похоже на поездку по шоссе.

Они рассмеялись, и пар клубился между ними. Уильям должен был спросить: — Что ты здесь делаешь так далеко от дома?

— Вообще-то, я много путешествую.

— Ах да. Верно. Но всё равно, разве Токио не совсем твоё?

— Ах... — Мерси отвела взгляд. — Да, я предпочла бы быть на передовой. Или заниматься исследованиями.

— Но вместо этого ты здесь занимаешься, ну, обычными врачебными делами. И, без обид, ты не обычный врач.

— Мне... велели отдыхать.

— О? Кто же? — Уильям не мог представить, чтобы кто-то сказал ей сидеть на месте. Она была заботливой и тёплой и, ну, очевидно, трудоголиком. Это проявлялось не в виде тёмных кругов под глазами, а в её характере. Она работала и работала, и этим всё ограничивалось.

— ...мой врач.

— У тебя есть врач?

— Ну да, у врачей есть врачи. — Мерси хихикнула. — Как ты думаешь, это работает?

— Честно? Я просто никогда об этом не задумывался.

— У психологов есть психологи, у врачей — врачи. В конце концов, все мы люди. Что касается меня... — Мерси вздохнула. — Я упала в обморок прямо в больнице. Это были часы пик, и... ну... — она заставила себя улыбнуться. — Падать в обморок, очевидно, нехорошо. Особенно если это я.

Вина. Это было очевидно. Уильям посочувствовал ей.

— Как ты сказала, все мы люди. И если моя придирчивая начальница всё равно выбрала тебя, значит, ты всё ещё потрясающе делаешь свою работу.

Мерси чуть опустила в воду. — Ах... ты правда так считаешь?

— Я знаю. Я не часто хожу к врачам.

— Ах, я заметила! Это, как твой врач, я должна осудить! — сказала она, а затем рассмеялась. — Впрочем, ты выглядишь в отличной форме! И я бы немного завидовала тому врачу, который занесёт тебя в свой график.

— О? Завидовала?

Мерси подперла лицо руками, ярко улыбнувшись. — Немного. Врачам иногда приятно видеть молодых здоровых мужчин. Это напоминает нам о том, что есть надежда на выздоровление.

— М-м. — Уильям скривился в усмешке. — И больше ничего?

Она ахнула и театрально прижала руку к груди. — Что, ты думаешь, у меня другие намерения?

— Я ошибаюсь, полагая, что молодая привлекательная женщина, такая как ты, после долгих часов работы не прочь увидеть молодого здорового мужчину? — он многозначительно посмотрел на неё. — Или я слишком много смотрю дорам?

Она снова хихикнула. Господи, это было прекрасно, как будто тебя слушают во всём. От этого его сердце становилось таким тёплым и мягким. — Ты смелый мужчина, Уильям. И нет, драмы очень далеки от реальности.

Они проговорили около часа. О работе, о происхождении, о том, где они путешествовали. Они обменивались историями об Японии особенно. Поскольку она была одной из самых богатых

стран в мире и лидером в медицине, она обычно ограничивала свои визиты лекциями. Она никогда не осматривала достопримечательности до недавнего времени.

Они сидели далеко друг от друга, но разговаривали с энтузиазмом. Смеялись и, конечно, хихикали.

— Тогда мне придётся показать тебе окрестности, — сказал Уильям. — Поверь, Токио великолепен, но, на мой взгляд, это не лучшее, что он может предложить.

— Тогда мне придётся освободить своё расписание. И надеяться, что ты не врёшь мне, — ответила Мерси.

— Я бы никогда не солгал, — сказал Уильям. — Особенно тебе, доктор.

Её сердце пропустило удар. Это было... смелое заявление. Заявление другого рода. Она не знала, что сразу ответить. — Итак, — сказала Ангела после долгой паузы, её голос стал мягче, интимнее. — Как ты себя чувствуешь? Какая-нибудь скованность осталась?

— Не совсем...

— Ну же, я твой врач. — её голос снова оживился. — Это может быть что угодно. Даже то, что не болит. Может быть, что-то с меньшей выносливостью.

— Меньшей выносливостью, — повторил Уильям, вращая плечом. — Верхняя часть спины. Это постоянная проблема.

Её глаза загорелись неподдельным профессиональным интересом, целительница взяла верх над её нервами. — О, это очень распространено. Трапецевидные и ромбовидные мышцы удерживают огромное количество напряжения. Жара поможет, но точечный акупрессура — это именно то, что нужно, чтобы... — она запнулась, её румянец вернулся в полную силу, когда она осознала последствия своих слов.

Он просто приподнял бровь, безмолвный вопрос, повисший в воздухе, наполненном паром.

Ангела закусила губу, затем, казалось, приняла решение. Она двинулась через воду к нему, мягкий плеск её движений был единственным звуком. Он снова увидел её грудь. Боже, они были такими розовыми. Он никогда не видел таких розовых сосков. Почти, почти он мог видеть её голую киску. Она остановилась в футе от него, так близко, что он видел капельки конденсата на её ресницах.

— Можно?

Это было похоже на признание. Он просто кивнул, и его спина больше не опиралась на камни.

Она переместилась за его спину. Он почувствовал её нежные руки, мокрые и тёплые от воды, на своих плечах. Её прикосновение было уверенным, умелым, находящим зажатые мышцы с точностью эксперта. Её большие пальцы вдавились, и из его горла вырвался стон чистого облегчения.

— Вот оно, — прошептала Ангела, её дыхание было тёплым у его влажной кожи. — Столько напряжения здесь. Просто... отпусти его.

Её руки творили чудеса, разминая зажатость, её прикосновение говорило о навыке, который был одновременно глубоко клиническим и глубоко чувственным. Она наклонилась ближе, её тело почти не касалось его, но он чувствовал её тепло через воду.

— Твоя физиология поистине невероятна, Уильям, — прошептала она, её губы почти у его уха. — Столько силы. Ты был солдатом?

Он опустил голову вперёд, давая ей лучший доступ, мягкий стон был его единственным ответом. — В-роде того. — её пальцы скользили по линиям его дельтоидов, по твёрдым плоскостям спины. Он вздохнул. Он улыбнулся.

— Ах...

Затем настало мгновение, когда Уильям понял, что всё в порядке.

— Спасибо, доктор. Можете остановиться.

Она улыбнулась и отошла, позволив ему снова сесть. Она сидела рядом с ним, наблюдая. Он погрузился в восхитительно горячую воду онсэна со стоном. Её прикосновение плюс минеральная жидкость, окутывающая его до пояса, было подобно раю.

Рядом с ним Ангела икнула. — О! — и скользнула глубже в воду, её глаза широко раскрылись и уставились на монументальное зрелище, теперь плавающее прямо под поверхностью. Уильям приоткрыл один глаз и взглянул вниз.

Что ещё могло украсть её внимание? Это был его белый, мокрый член, плавающий на воде.

Её профессиональное самообладание растворилось в геотермальном тумане. Её губы приоткрылись, тихий, благоговейный шёпот потерялся в нежном журчании источника. — Mein Gott... он даже более...

Уильям хотел похвастаться. Он приподнялся, и его вялый член повис между ног. Стоя там, он

был весь мускулы, большой член и всё, что женщина может пожелать увидеть в своём мужчине. Он сел на гладкий камень, потянувшись. — Вы сказали, что хотите полного набора данных, доктор. Контекст — это всё.

И его член, блядь, распластался между ног. На него невозможно было не смотреть.

Вызов был очевиден. Её взгляд метался от его лица к его члену и обратно, война между приличием и желанием разыгрывалась в её ярко-голубых глазах. Желание победило. Медленным, размеренным движением она снова приблизилась. Вода плеснула вокруг неё.

Она не стала тянуться к его члену. Она опустилась на колени на затопленную каменную скамью перед ним, вода теперь была на уровне её талии. Он мог видеть её грудь третьего размера. Он мог видеть выражение её лица, благоговейное сосредоточение, целитель, готовящийся к священной процедуре.

— Напряжение, которое вы носите, — начала она, её голос был хриплым и низким, — проявляется во всей тазовой области. Подвздошно-поясничная мышца, косые... сами гонады могут быть невероятно зажаты. — её руки, скользкие и тёплые, легли на его мускулистые внутренние бёдра, большие пальцы вдавились в плотную ткань. — Глубокое расслабление здесь... может быть более терапевтичным, чем любой миорелаксант.

Мир сузился до ощущения горячей воды, стекающей по его мышцам и венам, тумана на лице и невероятного зрелища легендарной доктора Ангелы Циглер, её золотистые волосы были мокрыми и прилипли к ней. Его член дёрнулся, и она сфокусировалась на цели, приближаясь к пространству между его ног.

Её руки поднялись, поддерживая тяжёлый, величиной с кокос, вес его яичек с нежностью, почти благоговейной. Её прикосновение было возвышенным противоречием: уверенным и знающим, но мягким и почтительным. Она приподняла огромную мошонку, и он почувствовал невероятный, снимающий напряжение вес их в её ладонях.

Затем её рот нашёл его.

Не его член. Их.

Её губы, невероятно мягкие и тёплые даже в горячей воде, прижались к натянутой коже его мошонки. Она не сосала, пока нет. Она тёрлась носом. Медленное, ласковое трение, её нос уткнулся в мешочек, её губы оставляли серию мягких, долгих поцелуев по всей вздутой, уязвимой коже.

Это была Мерси. Это был величайший полевой медик в мире. И вот она, целует его яйца. Лижет и поклоняется его яйцам с быстрыми, задыхающимися вздохами, её лицо покраснелось и блестело от воды. — Кожа такая чувствительная, — пробормотала она, её голос был густым от клинической похоти. — Так много нервных окончаний. Полностью недооценённая эрогенная

зона.

Она схватила его член и прижалась мясистой длиной к своей щеке. Она поцеловала его, и когда он начал пульсировать, она улыбнулась и положила его себе на бедро. Опять же, не его член был в центре внимания. Это были его яйца.

На этот раз к почитанию присоединился её язык. Долгое, плоское, мокрое облизывание от самого основания его ствола и до конца по плотному шву его мошонки. Чмок! Она сделала это снова. И снова. Чмок! Чмок! Каждое движение её языка было актом преданности. Она устраивала влажный массаж, от которого его бёдра дрожали, а дыхание перехватывало.

Она снова начала целовать. — Ваш сердечный ритм учащается. Вазодилатация... выражена. Это... очень полезно для кровообращения, Уильям.

— Похоже на то, доктор, — хрипло выдохнул он, его кулаки сжались на каменном выступе.

Осмелев, она взяла одно из его огромных яичек в рот.

«О, блядь!»

Ощущение было настолько интенсивным, что его бёдра слегка дёрнулись. Её рот был тёплым, влажным, блаженным раем. Она перекачивала тяжёлый шар языком, её щёки втягивались, когда она применяла мягкое, продолжительное сосание. Чмок! Мягкий, влажный хлопок, когда она отпустила его, только чтобы тут же поглотить его близнеца, уделяя ему такое же роскошное, слюнявое внимание. Чмок!

Его член взметнулся в эрекцию. Возносясь над ней и изгибаясь вверх. Этот член-разрушитель сучек укротил столько женщин, но Мерси игнорировала его. Она предпочитала его яйца.

Она напевала, вибрации проникали сквозь чувствительную кожу, сквозь его кости. Звук был низким, довольным мммф, который резонировал в его драгоценностях. Её слюна действительно обладала целебными свойствами, шёлковым, скользким покрытием, которое делало каждое прикосновение гиперчувствительным, каждый проход её языка маленьким чудом.

— Такие полные, — выдохнула она, снова отрывая губы. Вода стекала с её волос и губ. Она не была сухой. Никто из них не был сухим, и они выглядели ещё горячее. Её руки ритмично разминали его, выжимая напряжение, которое она, по её словам, искала. — Я чувствую, как нарастает давление. Семенные пузырьки переполнены. Тебе нужно выпустить это, Уильям. Тебе нужно... глубокое опустошение. Ради твоего же здоровья.

Её голова снова опустилась, и на этот раз её поклонение стало похоже на работу врача. Но здесь и сейчас она больше не была врачом. Она была швейцаркой, одержимой желанием

попробовать его яйца и его семя. Женщиной, которой нужно было увидеть, как он кончает. Она целовала, сосала и лизала каждый дюйм тяжёлой мошонки, её язык обводил каждую толстую вену, каждый изгиб натянутой кожи.

«Чмок! Чавк! Мммф!»

Он чувствовал это, приливную волну, которую она впервые вызвала в нём в кабинете МРТ, но это было глубже, горячее, рождённое из этого странного и интимного поклонения. Его пресс напрягся. Его член ныл и пульсировал, несмотря на то, что его не касались.

— Ангела... блядь... я сейчас...

Она целовала. Она целовалась с его яйцами. Единственным ответом было поклонение. «Именно они производят твоё семя. Твоих будущих детей, — говорила ему Мерси. — Я позабочусь о них~!»

Она осталась на коленях, её лицо оказалось прямо под его пульсирующим, игнорируемым членом, и она просто поклонялась его яйцам.

Блядь, блядь, блядь! С рёвом, эхом отразившимся от скал, он кончил. — Кончаю!

Первая порция струй упала в воду. Густая, жизнеспособная, потерянная зря. Мерси издала скулящий звук: — Ах, извини, — и, как хорошая «целительная шлюха», нацелила на своё лицо.

Первый мощный выстрел брызнул, толстая жемчужная струя, которая ударила её прямо в щёку с мокрым шлепком, мгновенно нарисовав белую полосу на её безупречной коже. Её глаза расширились, но не от шока, а от торжества.

Вторая порция разбрызгалась по её бровям, стекая на веки. Третья, массивная, объёмная пульсация, хлынула прямо в открытый рот, покрывая язык и зубы. Она рефлекторно сглотнула, громко, удовлетворённо — глоток.

Струя за горячей, жизнеспособной струёй спермы разбрызгивалась по её лицу, полнейший беспорядок. Это был божественный заряд, густой и непрозрачный, такой спермы, которая могла бы оплодотворить целый квартал. Она залепила её светлые волосы, заполнила ноздри и стекала с подбородка тяжёлыми липкими верёвками. Это была Мерси, женщина, которая заседала на форумах ООН, чтобы обсуждать и принуждать страны к медицинской помощи. Обычные люди представляли её доброй и скромной. Влиятельные мужчины считали её слишком строгой.

«Она слишком резкая, — ворчали старые влиятельные мужчины. — Она должна знать своё место!»

Мерси знала своё место. Она знала, когда бороться, когда действовать, когда лечить, когда сражаться и когда сидеть и принимать мужскую ношу.

— Ннгхх! — Уильяму не нужно было дрочить. Мерси держала двумя мягкими руками у основания и вежливо направляла его член к своему лицу.

Она улыбалась.

— Какой здоровый заряд~!

В довершение она встала и поцеловала грибовидную головку.

— Чмок~!

Её губы были розовыми и более мягкими, чем любые другие губы, когда-либо касавшиеся его члена. Предэякулят сочился. Мерси хихикнула. — Ой, какая нетерпеливая вещица, не так ли?

Уильям мог только кивнуть и улыбнуться. — Надеюсь, беспорядок не слишком плох?

— О нет, совсем нет. — хихикая, Ангела сделала шаг вперёд, скрестила руки под грудью и погрузилась в воду, которая мгновенно помутнела вокруг неё, смывая огромный заряд. Она оставалась под водой долгое время, позволяя минералам очистить её, и наконец поднялась из воды, как нимфа, чистая и капающая.

— Видишь? Так даже лучше.

Он улыбнулся. Он решил встать и показать ей свой полный член. Огромный размер, его низко свисающие яйца и то, как много он ещё мог дать. — И я полагаю, массаж ещё не закончился?

Мерси моргнула, глядя на его член. Она всё ещё была в воде, и, ну, его член возвышался над ней, закрывая её лицо. Одна лишь головка была около четырёх дюймов. Это было смешно. Абсолютно смешно. Мерси сглотнула и поднялась, чтобы оказаться с ним на одном уровне. В этот момент вода стекала с их тел. Взгляд Уильяма скользнул по ней. Её грудь была великолепна, полная и круглая, легко третьего размера, с розовыми сосками. Его руки нашли её бедра, скользнув вниз, чтобы сжать упругие, соблазнительные изгибы её ягодиц. Он сжал их, разминая мягкую, но упругую плоть, пальцы впивались в неё.

— Я вижу, доктор занимается спортом...

Более колышущиеся, чем подтянутые. Это напомнило ему немного задницу Роковой вдовы, только чуть менее подтянутую. Всё равно отлично.

Мерси была женщиной-супергероем, но её глаза широко раскрылись, и она залепетала, когда он схватил её и провёл своим членом вверх и вниз по её животу. Её руки скользнули вверх по его влажной груди. — Н-ни в коем случае не чудеснее тебя, — выдохнула она, её голос был хриплым. Она приблизилась. Его эрекция пульсировала и изгибалась вверх, касаясь её. Она почти достигала её груди к тому моменту, когда она захотела поцеловать его. Её чистое лицо поднялось к его, глаза были полузакрыты и полны первобытной потребности. — Ого, ах, я даже не смотрю на него, а...

Она всё ещё чувствовала этот член-монстр. Она сглотнула и снова посмотрела на него.

Это был не пенис. Это был не орган, который она осматривала как врач. Это был разрушитель сучек. Это были тринадцать дюймов плоти, которые должны были заставить женщину стонать, пока она не станет зависимой. Это был конский член, который заставлял шлюх остепеняться. Это было то, что разрушало дырочку для любого другого мужчины.

Да, если она позволит его члену раздвинуть свои половые губы, она была уверена, что никогда не выйдет замуж. Никогда.

— Э-эта штука... собирается... — она сглотнула, нервничая, пока Уильям не взял её за подбородок и не заставил снова посмотреть на него.

— Ты сможешь, — сказал Уильям. — Ты сможешь.

Он схватил её за ягодицы, притянул к себе...

— М-м-м...

И затем они поцеловались.

Сомнения исчезли. То, чего Ангела Циглер боялась больше всего, — быть использованной жадным, сексозависимым мужчиной. Уильям был не таким. Уильям... был джентльменом.

Мерси уже была влюблена.

<http://erolate.org/book/161/26047>